

АКВА. Юг.

Елена Щетинина «Соль и вода»

О з н а к о м и т е л ь н ы й ф р а г м е н т

Младенцы

3060 год. Фелипе

Он не сразу понял, что именно произошло. Заткнув уши мягкой тканью, которую обычно использовал для перевязок, он дремал — и видел сон, как Лусия гладит его по голове, ласкает плечи, грудь, живот, спускается ниже...

... и в этот момент оглушительный треск словно разорвал мир вокруг него. Его приподняло в воздух — а затем швырнуло о жёсткую койку, приподняло снова — и вышвырнуло с неё на пол. Руку, привязанную шарфом к стенной скобе, дёрнуло, вывернуло — и пронзило болью, которая волной прокатилась по всему телу.

И только тогда Фелипе Рата проснулся.

Он попытался вскочить на ноги — и это стоило ему снова дёрнувшейся руки и очередной волны боли. Зашипев сквозь зубы ругательства, которым успешно научился в этом путешествии, он начал лихорадочно развязывать шарф. Тугой узел — жопа Номоса, какого ему вообще в голову пришло так затягивать его? — не поддавался, пришлось вцепиться в него зубами. Корабль трясло, метало из стороны в сторону, врачебный дневник, лежавший на низком, прикрученном к полу столике, летал туда-сюда, как диковинная страховодная птица.

— Да твою ж жопу, Номос! — прорычал он, вгрызаясь зубами в узел. Тот быстро набух слюной и закаменел. — Да жжжжж...

Да, это казалось очень хорошей идеей — когда корабль попал в шторм, развернуться и спуститься к себе в каморку, гордо именуемую «каютой-лазаретом». Ещё и обоснование было придумано веское:

— Я всё равно помочь нормально не смогу, не умею — зато когда ваши люди руки-ноги переломают, я им здоровый и свежий больше пригожусь!

Именно это он и выпалил в лицо капитану, когда тот перехватил его по пути вниз, вцепился в рубашку и требовал остаться на палубе — то ли держать канат, то ли затыкать своей жопой дыру в борту. Фелипе не был уверен, что в вое ветра и воплях матросов его реплика дошла до ушей капитана, но глаза того выпучились, как два чайчьих яйца, а борода встала дыбом. Значит, хотя бы пару слов, да расслышал.

— Я буду ждать внизу, — попытался оправдаться Фелипе. — Я приготовлю инструменты, перевязки, так что сразу отсылайте раненых ко мне.

Капитан попытался что-то сказать, но подавился ругательствами — и лишь разжал пальцы. Фелипе кулём шлёпнулся на палубу, чудом удержавшись на ногах.

— Я буду ждать! — крикнул он капитану и поспешил вниз, пытаюсь опередить пинок по заднице, который, как он чуял, заслужил.

Строго говоря, Фелипе Рата никогда не считал себя смельчаком. Он и в эту-то экспедицию подался судовым врачом лишь потому, что предположил, что это неплохой способ пробиться к деньгам и славе. Хороший врач дорого ценится на кораблях. Особенно тех, что идут к Границе Ада. Достаточно зарекомендовать себя с лучшей стороны — и предложения польются к тебе рекой. И тогда можно будет уже выбирать повкуснее да поспокойнее. Хотя нельзя сказать, что вот этим вот своим бегством он показал себя с лучшей стороны...

Капитан ему сразу показался странным человеком. Да, отрекомендовался тот как Лаха

Вака — то есть алонкей из Круга Паруса, все чин чинарём, но эта зверская рожа более подходила отбросу из Пены. Да и серьга почему-то отливала фальшивым золотом. И борода. Эта рыжая, клокастая борода, словно специально закрывающая половину лица, тоже наводила на определённые мысли.

Именно размышляя о том, что за фрукт этот капитан, Фелипе и заснул, предварительно — как ему казалось, благоразумно — привязав себя концом шарфа к скобе в стене: чтобы не свалиться во время усиливающейся качки, но и иметь свободу движений.

И вот теперь, как дурак, рычал и ругался сквозь зубы, пытаясь развязать окончательно затянувшийся и превратившийся в сплошной ком узел. Наверху грохотало, гремело, что-то падало, перекатывалось, рвалось, трещало, топало и кричало. Фелипе никогда не удосуживался запоминать, какая деталь корабля как называется — врачу гораздо важнее знать детали тела пациента, а мозг штука маленькая, всякий хлам помнить никаких ресурсов не хватит — и вот теперь всё это неизвестное рушилось и ломалось. И угрожало похоронить его под собой, в морской пучине, если он не сумеет развязать треклятый узел.

«А вообще кто-то кроме капитана знает, что я здесь?» — мелькнуло у него внезапное осознание. Матросы носились по палубе, озабоченные судьбой корабля — и явно никого не интересовали передвижения врача. А судя по тому, как зыркнул на него капитан — с того станет ничего никому не сказать и позволить господину Рата тихо-мирно утопнуть.

Фелипе взвыл и с остервенением впился зубами в узел.

Наверху снова грохнуло, корабль затрясло — словно человека в горячке — и раздался жуткий оглушительный звук, словно что-то лопнуло в его глубинах. Корабль резко, словно падая с высоты, просел — и Фелипе снова швырнуло, на этот раз аккуратно лбом на край койки. В голове что-то треснуло, затем хлюпнуло — и глаза начало заливать кровью.

— Да ядрёные... — взревел он. Что именно «ядренные», он не успел не только сказать, то даже и подумать, потому что в следующее же мгновение корабль просел ещё сильнее — и Фелипе опять приложился о койку — на этот раз зубами. Это стоило ему верхнего левого резца. Ко всему прочему он подавился выбитым зубом — и потратил драгоценное время на то, чтобы откашляться и выплюнуть застрявший в горле костяной осколок. Разгрызть узел оставшимися зубами было невозможно — второй резец угрожающе шатался, а клыки соскальзывали.

«Рука, — проскочила у него дикая идея. — Руку в обмен на жизнь. Не такая уж высокая цена».

Наверху так гроыхало, а корабль так трясся и метался, хрустя и ухая чем-то в своих недрах, что Фелипе уже воочию видел свою смерть. Вот шум, крики и топот наверху стихают — и в вое ветра и гуле волн можно с трудом расслышать плеск воды под вёслами стремительно удаляющейся лодки. Теперь корабль пуст — покинут и заброшен. Никто не знает о том, что в нём — где-то в глубине, в самых недрах — остался ещё один человек. Пока ещё живой человек. Но рано или поздно ветер и вода сделают своё дело: корабль разломится на куски под ударами стихии или, получив течь, медленно уйдёт на дно, пока его несчастный пленник будет захлёбываться и биться в бесплодной схватке за жизнь. А может быть, наоборот, крепкое дерево выдержит, и остов судна ещё долго-долго будет бороздить океан, пугая встречных мореплавателей. И никто, никто не будет знать, что где-то там, в одной из полуразрушенных кают, привязанный к проржавевшей скобе истлевшим шарфом, лежит скелет умершего от голода и жажды незадачливого врача. И на полу и стенах даже видны следы от ногтей, которыми он царапал доски в агонии.

Фелипе вдруг стало безумно жаль себя — такого молодого, красивого, подающего большие надежды... Строго говоря, из всего этого истине соответствовала лишь молодость — для красоты у него было слишком простое, мясистое лицо с курносом, изрытым ямами от подростковых прыщей, носом, а для подающего большие надежды... разве кто-то, у кого есть виды на то, чтобы сделать карьеру в приличном месте, отправится в экспедицию со

всякой швалью? И даже не в специально собранную экспедицию, по итогам которой нужно будет официально отчитываться — а значит, поставить своё имя в важных документах, на что потом можно будет ссылаться — а такую... сомнительной нужности. Да, к Границе Ада, да, исследовательская, да, изучение дальних островов, да, заполнение белых пятен на картах, но... Фелипе не заметил ни одного картографа в составе экспедиции, ни одного учёного, занимающегося растениями или животными, ни одного вообще сколько-то образованного человека! Исключая, разумеется, себя. Капитан был больше похож на опытного головореза, да и вся команда смахивала на отборное отребье из Пены. И то он подозревал, что часть из них вообще не алонкеи, а обычные грязешлёпы.

«Отрезать руку... — снова заметалась безумная мысль. — Подохнешь тут, один, никому не нужный, и не вспомнит о тебе никто. А по прибытии домой вообще скажут, что тут никого и не было. Документы утонули, врача не видали. Режь руку. Тем более левая, не главная».

Конечно, резать руку было страшно. Фелипе боялся боли — ещё в детстве он предпочитал не ввязываться в драки, а убежать подальше или вообще истошно орать и плакать, привлекая внимание взрослых. Ему говорили, что умение постоять за себя пригодится ему в дальнейшем. Что нужно уметь отстаивать свою точку зрения, бороться за свои мечты и идеалы, защищать родных и близких. Потом — что врач должен быть смелым, ведь он сражается с болезнью и смертью, а значит, трус обречён на неудачу. Потом — что мямля, прячущийся за чужие спины, ничего никогда не добьётся в жизни. А ведь он хочет добиться, правда? Фелипе хотел — но быть мямлей ему казалось безопаснее. Ну и вот, сделал, как ему говорили — смелый поступок, экспедиция к Границе Ада, новые острова, неизвестные воды... И? Так и помереть, в одиночестве и безвестности? Может быть, Лусия всплакнёт над известием о его смерти — но Фелипе был не особо уверен, что это продлится долго. На кого-то другого она его вряд ли быстро променяет — но вот что не откажет себе в удовольствии развлекаться в компании подруг, это точно, можно не сомневаться. А где подруги — там и подначки: «такая молодая, а одна», «да мы тебе сейчас найдём», «посмотри, какой миленький мальчик»...

Фелипе зашипел и стал дёргать руку так, что кисть посинела. Отрезать, как же! Было бы чем! Было бы чем — шарф бы перепилил!

Мокрая ткань стала плотной и твёрдой. Она врезалась в кожу, как тупой нож. Что ж, тогда подойдём с другого конца!

Фелипе перебрался к скобе и вцепился в неё, раскачивая из стороны в сторону, пытаясь вырвать гвозди. Но ржавчина, на которую он так понадеялся, сыграла с ним дурную шутку: практически приварила металл к металлу — и всё вместе к дереву. Корабль явно не хотел отпускать его от себя.

— АААААА! — полузаорал, полузавыл Фелипе, задрав голову к потолку.

— УУУУУУУ! — ответил ему ветер.

— Бум, хрящ, крак, — отозвалось по всему кораблю.

Фелипе закрыл лицо руками и зарыдал. Он не хотел умирать — умирать так глупо и рано, не успев ничего ещё сделать! И да, пусть он бездарность, неумеха, способный только вскрывать нарывы, чистить раны да ампутировать гнилые конечности — но хотя бы это он делает хорошо! Он не лезет в кишки, не пытается спасти тех, у кого остановилось сердце, кого трясёт в беспамятстве или кто харкает кровью! Да, его дядя по матери — великий врач, один из лучших врачей Риномоса, Фелипе Рата, в честь которого его и назвали — говорят, может лечить одним своим появлением, но маленький Фелипе стал врачом только благодаря авторитету дяди и тому, что как-то умудрился сдать экзамен — и сам понимает это! Он мечтает стать великим — не обязательно врачом, для этого нужно слишком много работать, возиться в крови, в испражнениях, дышать испарениями от зелий и снадобий, не иметь роскоши самому заболеть или просто отдохнуть, закрыв глаза и уши... Нет! Ему достаточно просто быть богатым и уважаемым! Номос, неужели я так много прошу у тебя?

— Рата? Рата Фелипе? — как сквозь мокрую тряпку, донёсся до него чей-то крик. — Рата, Рата Фелипе! Вы где?
— Я здесь! — завизжал он изо всех сил, срывая голос.

Двое без имён

Они плавают в темноте. Нет верха, нет низа, нет права, нет лева. Весь мир плавает вместе с ними, покачиваясь и гулко ухая. Звуки растворяются в темноте, тонут и расплываются. Один чувствует плечо другого — а тот чувствует его плечо. Они рядом, они вместе, они единое целое.

Мир там, снаружи — огромный, громкий мир — пугает их. Может быть, он добрый и не причинит им зла — но они всё равно опасаются. Они прижимаются друг к другу, вжимаются друг в друга, врастают друг в друга. Они единое целое — так они смогут выстоять против того огромного мира, что ждёт их снаружи.

Фелипе

— Одна пробитая голова, три сломанные руки, две сломанные ноги, вывихнутая челюсть, мелкие переломы, вывихи и раны я не считаю, — бойко перечислил Фелипе капитану. Возможно, даже чересчур бойко — ещё подумает, что работы у врача почти что нет. Строго говоря, её действительно нет: ну только если голову перебинтовать да шины на переломы наложить. Вправление челюсти можно и не считать — один раз толкнуть да вовремя свои пальцы убрать, чтобы не прикусили. Остальное всё мелочи — тем более, на матросне, судя по шрамам, и не такие раны сами заживали.

Капитан пошевелил бородой:

— За неделю в строй встанут?

Фелипе сделал вид, что задумался:

— Постараюсь. Все силы приложу. Положитесь на меня.

Капитан снова пошевелил бородой. В его глазах Фелипе прочёл явное сожаление, что не отвесил пинок трусливому врачешке.

Корабль стоял на якоре, накренившись влево. Зрелище было достаточно жалкое — сломанная мачта, рваные лохмотья парусов, зияющая дыра в борту. Казалось, что судно при смерти и только и ждёт, когда его милосердно затопят. Фелипе уже знал, что это только видимость — переборки не пробиты, и нужно лишь вычерпать воду, дыру можно залатать, а мачту — закрепить. Да и паруса есть запасные — пусть даже и погрызенные корабельными крысами. Требуется лишь немного времени — неделя-две, и можно снова отправляться в океан.

Лучше, конечно, если две.

Примерно так же, очевидно, думали и матросы. Они бесцельно плавали на лодках к кораблю и обратно, бродили по острову, якобы присматривая подходящие деревья — и даже и не пытались создавать видимость работы. Фелипе их прекрасно понимал: островок был хоть и мал, но мил, а местные жители — достаточно безобидны и ненавязчивы. Если есть возможность немного передохнуть от качки, соли, воды, вечно орущих чаек — почему бы этим и не воспользоваться?

Правда, насчёт чаек он погорячился. Этим тут было в избытке. Они орали утром, днём, вечером, метались над водой, вечно что-то жрали, отнимали друг у друга, роняли, кидались вслед...

— Я бы назвал этот остров — Островом Чаек, — сказал Фелипе капитану вечером второго дня. — Мне кажется, это неплохое наименование.

Капитан злобно глянул на него:

— Здесь я решаю, как называть открытые острова. А не какой-то там врачешка. Когда у Пепе нога вылечится?

Фелипе проглотил обиду, сцепив зубы. Да, не удалась попытка. Глупо было, конечно, надеяться, что капитан так легко клюнет и позволит ему потешить своё тщеславие. А было бы неплохо, да. Остров Чаек — название донельзя банальное, но Лусия растаяла бы от восхищения. Хотя никто не помешает ей соврать, правда ведь?

— Эй! — окрик капитана вытряхнул его из мечтаний. — Что там у Пепе с ногой?

«Спросите у вашего Пепе сами», — хотел огрызнуться Фелипе. Пепе — здоровенный амбал с кулаками размером с голову, похоже, тайком расковыривал рану да ещё, наверное, и каким-нибудь дерьмом натирал. Может быть, даже самым натуральным. Во всяком случае, рана, первоначально чистая и промытая штормовой водой, сейчас задорно гноилась — и чем больше над ней трудился Фелипе, тем хуже она становилась. Фелипе был зол на Пепе: дурак, мало того, что ногу потеряет, так ещё и его подставит. Можно же куда как проще отлынивать от работы! И он бы показал это Пепе — но стоило только заикнуться о том, что рана как-то подозрительно быстро гниёт, как Фелипе мягко, но уверенно взяли железными пальцами за горло. И советовать как-то расхотелось.

— Нормально с ногой, — буркнул он. — Ближайшие дни покажут. Или выздоровеет — или отнимать придётся. Я тут бессилён.

Двое пока без имени

Мир снаружи пугал их. Что-то появилось в нём. Что-то странное, непонятное, незнакомое, чужое. Они ощущали его пока слабо — но уже боялись. Они не хотели выходить наружу. Здесь, в темноте, было уютно и безопасно.

Плывать там, где нет верха и низа, где только тишина и глубина — они хотели бы так вечно. Вечно — и вместе.

Фелипе

Ногу Пепе всё-таки пришлось отнять. Матрос перестарался — и буквально за одну ночь нога посинела, опухла, стала горячей, как камни в костре. Капитан метал на Фелипе злобные взгляды и сжимал кулаки.

Он вообще сильно изменился за несколько дней, этот капитан. Словно, лишившись палубы под ногами, он одновременно потерял и рассудок. И раньше не отличавшийся особой добротой, он стал зол, нелюдим, во время разговора скрежетал зубами и чуть ли не рычал.

— Твари, — как-то услышал Фелипе бормотание капитана. — Твари. Сухопутные твари. Только прикидываются, что океанские души... Твари. Затолкать бы всех в воду, чтобы или поплыли — или потонули.

Фелипе сидел в кустах, куда прокрался по нужде, и боялся пошевелиться. Он видал тех, кто был болен трепетом земли — жалкое и жуткое зрелище, на которое обязательно водили всех, кто учился на врача — но капитан был на суше всего лишь несколько дней! Да и вот же океан — в паре шагов!

— Твари... сухопутные твари... Океан никогда не заговорит с ними... — бормотание становилось то громче, то тише, словно рокотали волны. — Океан никогда не позовёт их к себе... не раскроет тайны... убогие сухопутные твари... ленивые трусы...

Фелипе осторожно, не дыша, раздвинул ветки. Капитан стоял на самой кромке берега, где песок переходил в воду, и раскачивался из стороны в сторону. Иногда он наклонялся так сильно, что казалось, вот-вот рухнет, как гнилое дерево. Но он замирал в этой точке на несколько секунд — и кренился обратно.

Фелипе передёрнуло. Его всегда пугало чужое безумие, каким бы оно ни было — настоящее, чистое безумие ли, жажда ли денег, власти, славы или плотских удовольствий. Он понимал, что и сам грешен в своём тщеславии — и поэтому боялся чужих жгучих желаний ещё больше.

Поэтому он тихонько развернулся и осторожно уполз подальше в кусты. Где и облегчился, насторожённо прислушиваясь к малейшему шуму.

В последующие дни он ещё не раз встречал капитана в самых неожиданных местах — в прибрежной пещере, под корнями старого дерева, даже скорчившегося под перевёрнутой пробитой на мели лодкой. Один раз ему даже показалось, что это не причудливая игра света и тени на воде — а голый капитан сношает что-то, похожее на осьминога.

Он пытался поговорить об этом с матросами — но не знал, как начать разговор. «Знаете, мне кажется, что капитан сошёл с ума»? «Не замечали ли вы, что капитан ведёт себя как-то странно»? «Вы хорошо знаете капитана, он и раньше таким был»? Да и после того, как Пепе лишился ноги, на Фелипе стали косо поглядывать. Он понимал, что сам виноват — его дело было следить лишь за тем, чтобы заражение не усиливалось, а не пытаться излечить рану. Вот сам и доигрался. Чем больше он чистил рану — тем больше Пепе забивал в неё грязи. Вот и итог.

Поэтому Фелипе всё больше и больше предпочитал общаться с туземцами.

Островитяне были неплохими людьми — безобидными и нелюдимыми. Они предпочитали отсиживаться в своей деревушке подальше от неожиданных гостей. Лишь ребятня, несколько стариков да пара мужчин насторожённо и с опаской — но не в силах скрыть любопытство — подкрадывались к стоянке моряков. Как правило, они скрывались в кустах, прислушиваясь к каждому слову и напряжённо следя за движениями, жестами, работой.

Капитану это не нравилось. Его безумие явно разрасталось — как разрастается мелкая ряска на поверхности гниющего водоёма. Заметив шевеление в кустах, капитан шипел, ругался — даже кидал туда камни или что-то тяжёлое, подвернувшееся под руку. Часто затем следовало ойканье — и таинственный наблюдатель, охая, удалялся.

Один раз туземцы утащили молоток. Старый, отполированный сотнями рук, с выщербинами и трещинами, молоток уже доживал последние дни. Он стал несбалансированным, а головка при каждом ударе угрожающе подсакивала в своём креплении. Вот-вот — и соскочила бы окончательно и улетела кому-нибудь в лоб. Но это был их молоток, собственность корабля — и только капитан мог решать, что с ним дальше делать. Поэтому, когда выяснилось, что молоток пропал, а на влажном после ночного дождя песке обнаружили следы босых ног — Лаха Вака окончательно сорвался с якоря. Он схватил топор и рванулся в кусты — где, впрочем, никого не было.

Догнали его только у самой деревни островитян. Сами туземцы попрятались в своих хижинах — и только чёрные глаза напряжённо следили за дракой, участники которой месили песок на берегу. Капитана скрутили не сразу — сначала пытались поговорить с ним по-хорошему. Воззвать к рассудку, напомнить о законах Номоса, о том, что наказание неотвратимо — и о многом другом. Лаха Вака же лишь дико вращал глазами и орал проклятия, обещая найти молоток и засунуть его вору туда, откуда вытащить будет тяжело.